

Владислав Крапивин

Дело о ртутной бомбе

Владислав Крапивин
Дело о ртутной бомбе

«ЭКСМО»

1999

Крапивин В. П.

Дело о ртутной бомбе / В. П. Крапивин — «Эксмо», 1999

ISBN 5-699-16953-9

Митя Зайцев был несправедливо обвинен в ложном сообщении о террористическом акте. И кто знает, чем бы закончилось «дело о ртутной бомбе», если бы вовремя не пришла помощь...

ISBN 5-699-16953-9

© Крапивин В. П., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Ледяные пальцы	5
Французская тетрадь	9
1	9
2	12
3	15
Тебе – половина и мне – половина	17
!	17
2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владислав Крапивин

Дело о ртутной бомбе

– Все мы любим своих братьев.

Джозеф Конрад.

«Лагуна».

Ледяные пальцы

С шуршащим трепетом пропеллер взлетал, и в нем зажигались белые звезды. Горячие, лучистые. Такие же, как на мокрых ресницах, когда смотришь сквозь них на солнце.

Пропеллер был маленький. Длиной с Елькину ладонь. Елька смастерил его из жестяной полоски. Подобрал ее (блестящую, мягкую) у мусорного бака, вспомнил зимний разговор о летучей игрушке и понял: не зря тот разговор случился...

Портновскими ножницами мамы Тани (тайком, конечно, чтобы не заворчала) он вырезал что-то похожее на самолетный винт с двумя лопастями. В середине пробил две дырки, в катушку от ниток вколотил два гвоздика с откусенными головками. Выстругал палочку-рукоятку, на которой катушка свободно вертелась.

Наденешь пропеллер на гвоздики, дернешь намотанный шнурок, и – фр-р-р! – серебристый вертолетик уходит в высоту. И ты – будто вместе с ним...

Игрушки, похожие на эту продавались в ларьках со всякой мелочью. Но там они были пластмассовые и не с катушкой, а с пистолетиком, внутри которого пружина. Сила запуска там зависела именно от пружины, никак на нее не повлиять. А здесь все решал сам «пилот». И, к тому же, можно было регулировать изгиб жестяных лопастей.

И Елька регулировал, испытывал. Сперва в комнате. Хорошо, что потолок в старом доме высокий. Потом выбежал на двор. Но здесь запускать вертолетик расхотелось. И доминошники за столом под старым дубом, и малышня в песочнице, и ехидные Инка и Светка на лавочке. Сразу же захихикают: парню десятый год, а он с детсадовской забавлялкой.

Они все равно захихикали:

– Елик-велик, какой ты сегодня красивенький! – Это про его рубашку и штаны со штурвалами и кораблями.

– Я на свете краше всех, у меня всегда успех! – отбрил он их с привычной дурашливостью. И замелькал новыми белыми кроссовками. Помчался на пустыри позади Тракторной усадьбы.

Пустыри привольно раскинулись за двухэтажными домами из почерневших бревен. Здесь зарастали дремучим репейником и дикими травами фундаменты скрытых домов, остатки садовых беседок и кучи кирпичного щебня. Когда-то в этих местах были старинные кварталы. И когда-нибудь здесь поставят современные многоэтажки – вроде тех, что виднеются совсем рядом, за кленовой рощицей. Но это случится не скоро. А пока здесь было полное бабочек безмолвие. Тихо стрекотал и звенел один из редких дней, когда сливаются поздняя весна и раннее лето. Цветы и зелень еще майские, а тепло как в июне.

Елька пробрался сквозь цветущую сирень, с разбега вознесся на поросший одуванчиками бугор. Не видать вокруг ни человека, ни зверя. Можно остаться со своей радостью один на один. Можно не притворяться неунывающим и смешным.

Пахнувший тополями ветер обмахнул мальчишку мохнатыми крыльями, поставил торчком темные волосы-сосульки, обтянул тряпичный костюмчик. Эту разноцветную обновку мама Таня купила вчера на остатки денег, которые получила в апреле за проданный ковер: скачи, бесёнок и радуйся – лето на дворе.

Весу в летней одежке было все равно, что в ситцевой косынке. И Елька чувствовал себя прыгучим и летучим. А жестяной вертолетик добавлял ему этой летучести.

Елька, шурясь от яркой синевы, пустил пропеллер прямо над собой, но тот решил поиграть с хозяином: пошел вкось. Упал в двадцати шагах, на выпуклый, как черепаха, лопух.

–Ладно, только не теряйся! И не летай в крапиву!

Крапива была уже высока и успела набрать едкие соки. Раза два Елька не уберегся, но радости не убавилось. Снова – бегом за искрящимися крылышками! И головой в старый репейник, в свежий бурьян. И опять – дерг за шнурок! – и фр-р-р! – уносится стригущая воздух радость. То мчится ввысь, то чиркает по диким ромашкам.

Так, в коротких полетах, пересек Елька заросли и лужайки и оказался у пустого квартала.

Здесь из кленовой поросли подымались давно опустевшие, но еще не тронутые бульдозерами дома. С пробитыми окнами, со взъерошенным железом ржавых крыш. Самый большой дом – в полтора этажа, с кирпичным полуподвалом. Когда-то он был красив. До сих пор сохранилась хитрая резьбы вокруг высоких окон. Причудливо чернели жестяные теремки на верхушках печных и водосточных труб. А внутри – Елька знал это – была широкая лестница с точеными перилами, высокие кафельные печи и лепные узоры на потолках...

С левого бока дом был обуглен давним пожаром, но середину и правый край – где крыльцо с чугунным узорчатым навесом – огонь совсем не задел. Может, потому, что в этой стороне была защита – кирпичная стена от пожара (у нее есть специальное название, но Елька его не помнил).

Стена – высотой до гребня крыши – стояла в метре от боковой стороны дома. Промежуток был заделан переборкой из грубых гранитных брусьев.

У стены раскинулась поляна – с подорожниками, клевером, дикой ромашкой и прочей невысокой травой. Летом на поляне часто собирались пацаны из ближних дворов. Было удобно лупить о стену мячами, и никто не орал: «Что вы опять разгалделись, а ну марш отсюда!» К тому же, этот край дома был обращен к северу и в самые жаркие дни здесь царили тень и прохлада.

Но сейчас никого здесь не оказалось. Пустота и простор. И это – замечательно!

Елька снова дернул шнурок. Вертолетик радостно взмыл, вырвался на высоте из тени, заискрился... Потом замедлил вращение, будто выбирал, куда приземлиться. И... выбрать не успел.

Мягкий теплый ветер сыграл шутку. Опять махнул крыльями, подхватил жестяного летуна и кинул между стеной и домом.

У Ельки нехорошо ухнуло внутри. Будто не пустяшную самоделку потерял, а что-то важное. Вещь, в которой спрятан особый смысл. Да так оно и было, наверно... По крайней мере, не мелькнуло даже крошечной мысли, что можно оставить пропеллер в темной щели.

А как в эту щель попасть?

По гранитной переборке не заберешься.

С другой стороны промежуток был забит вертикальными досками. Высоченными. Сколько ни скачи, не ухватишься за кромку.

Елька бросился в дом. Пустота дохнула на мальчишку застоявшейся зябкостью, гнилью, унылостью заброшенного жилья. Широкие лучи высвечивали клочья обоев и всякую дрянь на полу. Блестели пустые бутылки. Впрочем, все это Елька увидел мельком. И вот уже тамбур черного хода, лестница на чердак...

На чердаке пахло сухой землей. Сбивая колени о поперечные балки, фыркая от паутины, Елька пробрался к чердачному выходу на крышу. Застекленная дверца висела на одной петле и оборвалась вовсе, когда Елька открыл ее.

Он выбрался под солнце, на теплую ржавчину кровельных листов. Они гулко застреляли, прогибаясь под кроссовками.

Елька на гибких напружиненных ногах подошел к самой кромке. Сел на корточки, присмотрелся. Пропеллер тускло поблескивал на темном, почти неразличимом дне. А еще Елька увидел – вот удача-то! – вбитые в бревенчатую стену и кирпичи полуподвала скобы. Как ступени. Правда, были они далеко друг от друга, не всякий пацан решится спускаться по таким. Но для Ельки-то, привыкшего ко всяким фокусам на турниках и пожарных лестницах, это разве задача?

Он животом лег на кровельный край, поболтал ногами, нащупал первую скобу. Присел на ней, поймал ее руками. Толкнулся подошвами, повис. Где там еще ступенька? А, вот...

Ельку охватил воздух стылого пространства. Холод усыпал кожу бугорками. Елька охнул. Ну да ладно, это же на полминуты! Схватит вертолетик – и марш к солнцу!

Последняя скоба оказалась вбитой высоко от земли. Елька заболтался, вцепившись в железо и едва касаясь дна носками кроссовок. Стало страшно: как обратно-то? Но тут же решил – ерунда! Подпрыгнет и ухватится за скобу И заберется, цепляясь ногами за щели в кирпичах. Приходилось делать трюки и похитрее.

Он разжал пальцы... И взвизгнул!

Потому что была под ним не земля. Это был покрытый пылью и копотью снег, сохранившийся с зимы. Вернее, мелкая ледяная крошка. Елька ушел в нее ногами выше колен, по кромку своих новеньких разноцветных штанов.

Но испугался Елька не холода. В первый миг ледяные кристаллики показались даже приятными. Они прогнали с кожи надоедливый зуд от крапивы и колючек. А вот как теперь выбираться-то? До скобы не допрыгнешь. Если бы на твердом месте да с разбега, то можно. А здесь какой разбег...

Елька задергался, пытаясь все-таки прыгнуть. Толку-то... А мороз уже втыкал в него безжалостные спицы.

Что теперь? Кричать? Может, кто-то окажется на поляне, услышит, сбегает за веревкой? А сколько времени-то пройдет?... Да и кто услышит?

Елька все же крикнул:

–Эй!.. – Получилось глухо, сипло. И стало почему-то стыдно.

Ноги уже отчаянно ломило, и льдистые иголки быстро скользили по всем жилкам. Ельку сотряс озноб. Это теплая кровь не хотела сдаваться смертному холоду. Конечно, с м е р т н о м у. Потому что сколько он, Елька, выдержит здесь?

Елька тоскливо глянул вверх. Чистое небо сияло ярко и равнодушно. Это было небо д р у г о г о мира. Того, где Ельки уже нет...

Теперь был не просто холод. Он слился с ужасом ловушки. С похожим на тот ужас, когда отец запирает дверь на ключ, садился посреди комнаты на табурет и говорил с тяжелой ухмылкой:

–А ну иди сюда. Да не стреляй глазами-то, не трепыхайся, никуда не денешься. И не реви раньше времени, сперва поговорим...

Елька и не ревел. Но обмирал. Знал, что с п е р – в а будет недолго, а потом...

–Папа, не надо!!

– Это кто сказал, что не надо? Ну-ка... – Он рывком придвигал Ельку вплотную, в запах водки, гнилых зубов и нестиранной рубахи...

Но там э т о было не навсегда. На несколько минут. А сейчас... насовсем?

Да нет же! Кровь еще не остыла. Она толкалась в Ельке протестующе и упруго: живи!

Должен же быть выход! Ведь и т а м он однажды вырвался! Всем телом пробил затворенное окно, бросил себя со второго этажа в рябиновый куст, на волю!

Он вырвется и отсюда. Раз нельзя по скобам, надо выбить доски. Вон там, сзади!

Расталкивая снег немеющими ногами, Елька двинулся к светящейся щелями загородке. Скорее! Запнулся за что-то под снегом, упал в грязное ледяное крошево ладонями и лицом.

Отплевываясь, ринулся дальше. Подобрал на ходу пропеллер, сунул в нагрудный карман (с белым кораблем внутри ярко-синего ромба), толкнул себя дальше. И наконец уперся в занозистые доски – такие теплые по сравнению со всем остальным.

Елька надавил на них, ударил плечом. Одна доска шевельнулась, чуть подалась наружу. Но дальше, других ударов, не послушалась. Замерзающий Елька понял: надо бить ее с разбега. А для разбега – протоптать дорожку. Да, протоптать! Собрать силы, хотя холод уже добрался до плеч, до затылка и, кажется, выходит из тела стрелами-сосульками наружу!

Работая локтями, Елька попятился. Будто играл в паровозик. Ледяные кристаллы больно скребли кожу. И это хорошо – значит, ноги не совсем еще онемели! Да, не совсем: Елька ощутил, как что-то сильно царапнуло его под коленкой. Оглянулся.

Из протоптанного раньше следа торчала белая рука.

Худая застывшая кисть в мятом обшлаге из камуфляжной ткани. Пальцы с грязными ногтями были скрючены, а указательный выгнут и согнут лишь чуть-чуть. Будто пощекотать хотел кого-то... Это о н царапнул Ельку?

Елька хрипло закричал. И (так ему вспоминалось потом) взмыл над снегом. Пронесся по воздуху, как снаряд, руками, плечом и лицом вышиб доску, закувыркался в траве, роняя красные капли с разбитых губ. И бросился домой. Он мчался, и солнце било его в спину, в затылок, но не могло вогнать в него ни капельки тепла. И жар летнего дня, и обретенная свобода, и скорость бега были уже не в силах спасти Ельку. Леденели мускулы и кости, леденела кровь...

Французская тетрадь

1

– Итак, вы утверждаете, Зайцев, что не имеете к э т о м у д е л у никакого отношения?

Директорша была интеллигентная дама и, всем ученикам, начиная с пятого класса, говорила «вы». Бывало, правда, что срывалась, набухала вишневым соком и орала на виноватого: «Здесь тебе лицей, а не барак в Тракторной усадьбе! Забирай документы и отправляйся в обычную школу, у нас никого не держат!» После этого родители несчастного приходили к ней в кабинет и долго там беседовали. О чем – никто не знал. И обычно дело кончалось миром.

Но сейчас до срыва было еще далеко. Полная, добродушная с виду, Кира Евгеньевна говорила суховато, но без сердитости. С легким утомлением:

– Итак, вы, Зайцев, э т о у т в е р ж д а е т е?

Обычно храбрость приходит после неудержимых слез. Когда ты уже проревелся от обиды и тебе уже не стыдно, не страшно. Все, как говорится, пофигу. Пускай хоть убивают! Но бывает и так, что слезы не вырвались, ты успел сжать их в комок и загнать в самую глубь души. Там колючий этот шарик то и дело шевелится. Напоминает о себе, но храбрости не мешает. Наоборот, порой даже усиливает ее – как скрученная пружина. Такие пружины – они ведь до последнего момента незаметные. Неподвижные, поэтому ты внешне совсем спокоен. Да и внутри спокоен, пока этот комок опять не выпустил колючки...

– Ничего я не утверждаю, – сказал Митя со вздохом. – Это вы все утверждаете, будто я бандит и чуть не взорвал школу.

– Лицей... – сказала молодая завуч начальных классов Фаина Леонидовна.

– Ну, лицей...

– Не нукай! И не косობочься, ты не на дискотеке! – Фаина была нервная, потому что считала: ее, как завуча, не принимают всерьез.

А Митя и не косობочился, стоял как все люди. Просто в нем не было заметно подходящего случаю ужаса перед педсоветом.

Педсовет (не весь, правда, а «малый», собранный на скорую руку) сидел за длинным блестящим столом в директорском кабинете. Только председатель ученического «Совета лицейистов» Боря Ломакин из одиннадцатого "И" (то есть «исторического») скромно устроился поодаль, у стены. У другой стены сидела Жаннет Корниенко. Как всегда, в джинсах, цветастой широкой кофте, с неизменным «Зенитом» и с толстым блокнотом на коленях. Держалась она бесстрастно, смотрела перед собой и была неподвижна. Так неподвижна, что даже ее цыганские серьги-полумесяцы ничуть не качались.

Борю Ломакина часто приглашали на педсовет как «представителя коллектива учащихся». Потому что в лицее была демократия. А Жаннет позвали только сегодня – как лицейского корреспондента. Чтобы (в случае необходимости!) отразить скандальное дело в газете «Гусиное перо».

Жаннет делала вид, что незнакома (то есть почти незнакома) с семиклассником Зайцевым. Ее большая курчавая голова не поворачивалась в его сторону. И взгляды их ни разу не встретились. Ну и правильно...

Пожилая, в очках и с седыми кудряшками, «англичанка» сказала с назидательностью доброй тети:

– Конечно, признаваться стыдно... Дима. Но еще хуже, когда мальчик запирается так упрямо, вопреки очевидности.

– Какой очевидности? Будто я подложил бомбу?

– Никто не говорит, что ты ее п о д л о ж и л, – это вступила Галина Валерьевна, завуч старших классов. Именно в ее подчинении был седьмой "Л" (литературный), в котором числился подрывник Зайцев. – Но ты с о о б щ и л, что она подложена.

– Господи, ну что за глупость, – сказал Митя с оттенком стоны.

– Хорошо, что наконец ты понял! – обрадовалась (или сделала вид, что обрадовалась) «англичанка». – К а к у ю глупость ты совершил.

– Это в ы все говорите глупость, – уточнил Митя с холодком нового бесстрашия (колючий шарик снова чуть шевельнулся).

Завуч Галина Валерьевна хлопнула по лаковому столу.

– Мальчишка!

«Смешно. Конечно, мальчишка. Вот обругала...»

Директриса слегка порозовела.

– Зайцев, вы переходите границы. Выбирайте слова.

– А как их выбирать? Думаете, легко? Вы поставьте себя на мое место и попробуйте... когда все на одного.

В глазах щипало. Но не от слез. От яркого света. Позади стола было большущее, во всю стену, окно. За ним сияло безоблачное бабье лето. После двух недель сентябрьского ненастья оно было как чудо. Как подарок. Жить бы да радоваться!

Педсовет на фоне окна смотрелся силуэтами, лиц почти не разглядеть. Будто темное многоголовое существо. А он, Митя, как Иван-царевич перед Горынычем. Только без меча и кольчуги.

«Ну, давай, давай, пожалей себя...»

«Я не жалею. Просто... надоело уже».

Двадцатипятилетний «географ» Максим Даниилович (именно Дани,илович, а не Данилович) сообщил с веселой снисходительностью:

– Нам незачем ставить с е б я на т в о е место. Мы не претендуем на роль террористов.

– Ну и я... не претендую.

– Вот и молодец, – непонятно отозвался Максим Даниилович. Отвернулся и погладил славянскую бородку. На фоне окна бородка эта казалась черной, а на самом деле была русая. Из-за нее, да еще из-за отчества, географа прозвали «Князь Даниил Галицкий». Девицы-старшеклассницы сохли по нему. Ходили слухи, что и он к некоторым неравнодушен.

– Это становится скучно, – заявила похожая на манекенщицу Яна Леонтьевна, преподавательница музыки. (Она пришла в лицей только в этом году, и все знали, что Князь «положил на нее глаз»). – Сколько можно тянуть одну ноту? И где Лидия Константиновна? По-моему, это ее обязанность: выколачивать признания из своих питомцев.

Директорша Кира Евгеньевна поморщилась:

– Я отпустила Лидию Константиновну на три дня в Затомск, на свадьбу внучки. И это хорошо. Она просто слегла бы, узнав о случившемся... Впрочем, сляжет еще. В ее-то возрасте...

Остальные молчали. Знали, что от классной руководительницы седьмого "Л" в таких делах толку мало. Словесник она неплохой, но с классом еле справляется и, судя по всему, «тянет» в лицее последний год.

– Ведь вроде бы неглупый человек, – вступила опять Галина Валерьевна, «старший завуч». Она была худа, похожа на д'Артаньяна в платье, и силуэт ее торчал выше остальных. – Да, не глуп. Шестой класс закончил без троек. А понять простой вещи не может... Почему, Зайцев?

– Что? – сказал Митя.

– То, что своим запирательством ты у-су-губ-ляешь вину.

– Какую вину? – сказал Митя. Он смотрел на верхушки кленов за окном. Зеленых листьев на них было еще больше, чем желтых. И лишь одна верхушка пожелтела почему-то вся, горела лимонным пламенем.

Галина Валерьевна снова опустила на стол мушкетерскую длань.

– Твою вину, Зайцев! Т в о ю! Ту, про которую знают все! Есть свидетели!

– Кто?

– Да хотя бы этот... клоун с фотографии! Твой неразлучный и давний дружок! Вот этот! Вот!.. – Она двинула по скользкому столу газету. Недавний номер «Гусиного пера». В столе отражалось окно и газету было не разглядеть. Но Митя и так понимал, ч т о на газетной странице. Фотография. Та, где он сыплет из ведра картошку, а Елька встал на руки и машет в воздухе ногами (с одной слетела кроссовка).

2

Вовсе не были они давними друзьями. Их настоящее знакомство началось всего-то месяц назад, когда в семье Зайцевых опять случился «конфликт отцов и детей».

Это образованная мама так печально именovala Митины споры с родителями. Образованный папа выражался короче: «Ну, началось». После чего вспоминал иногда, что он мужчина и у него есть ремень.

В то ясное утро августа «началось» из-за тетради. Из-за французской. Митя увидел ее в магазине «Деловые люди» и обомлел от восхищения. Тетрадка была в переплете из искусственной кожи с оттиснутым на нем средневековым замком и рыцарскими гербами, с лощеной бумагой, толстая, листов сто пятьдесят. Сразу же стало ясно: если писать в такой тетради черной капиллярной ручкой повесть «Корсары Зеленых морей» (которую он задумал в июле), она, эта повесть, потечет сама собой. Как вода из крана.

Но тетрадь стоила тридцать два рубля (да еще ручка семь с полтиной). Мама сказала, что это сумасшествие. За такие деньги можно купить семь нормальных общих тетрадей.

– Но мне же не надо же семь! Мне надо одну! Э т у!

– Пожалуйста, не устраивай истерику! Папе выдали зарплату только за май. А моя – курам на смех. Ты это прекрасно знаешь.

Митя знал. Но...

– Я же не мотоцикл у вас прошу! Даже не роликовые коньки! И не дурацкий сидеромный диск с компьютерными стрелялками! Одну-единственную тетрадку! Жалко для родного сына, да?

– Ну, началось! – Папа принял, было, грозный вид, но вспомнил, что у него сегодня масса редакторских дел и надо с утра беречь нервы.

– Между прочим, – ровным голосом сказал он, – многие современные литераторы пишут книги на компьютерах.

– Вы же меня к нему не подпускаете, к вашему компьютеру!

– Это по вечерам, – напомнила мама. – А днем он свободен. Но ты, по-моему, не очень-то к нему врешься. Нормальных детей не оттащишь от монитора за уши, а ты...

– Ага! А если бы я к нему липнул, вы бы сразу: «Почему ты только и знаешь торчать у компьютера и ничего не читаешь»!

– Все хорошо в меру, – уклончиво сказал папа. Он почуял в словах сына логику. А логику папа ценил. Потому что он был редактором научного бюллетеня в Институте физики металлов. – Чрезмерное увлечение компьютерными играми вредно, но для творческой работы компьютер незаменим.

– На нем пишут всякие халтурщики!

– По-твоему, я халтурщик?

– Ну, чего ты меня ловишь на слове! Я не про тебя! Ты же пишешь металлургические статьи, это же совсем же другое дело, это наука и техника! А нормальные книжки на компьютерах не сочиняют! Только всякие боевики, где внутри лужи крови, а на корочках голые тетки с пистолетами...

– Дмитрий! – Это мама.

– Ну, что «Дмитрий»? Не я же их там рисую!

– Ты мог бы поменьше смотреть на такие корочки.

– А я вообще не смотрю! Больно надо! Что вы меня сбиваете! Я про тетрадку, а вы про голых теток!

– Это ты про них, – сдержанно заметил папа. – У тебя нездоровая фантазия.

– Это у вас нездоровая! А у меня здоровая! Я хочу про летние приключения писать, а не... про это. А на компьютере я не могу! Когда придумываешь, в голове шевелятся всякие мысленные находки и передаются пальцам, как живые. И пальцы пишут!.. Папа, ну скажи! Твой любимый Булгаков мог бы написать «Мастера и Маргариту» на компьютере.

– Ты еще не Булгаков, – сообщила мама очевидную истину.

Папа – худой, почти двухметровый, стоял, согнувшись в дверном проеме и вжимался в косяк поясницей (наверно, опять болела). Он поскреб щетину на подбородке (бриться папа не любил).

– Видишь ли, уровень техники при Булгакове был совсем иной, и смешно утверждать, что...

– Смешно утверждать, что на творчество может влиять качество бумаги или внешний вид тетрадной обложки, – перехватила разговор мама. – Александр Грин писал великолепные романы в старых конторских книгах.

«Да! Но если бы он увидел э т у тетрадь...» – И Митя заплакал. В душе.

Мама за строгостью тона спрятала жалость к единственному сыну:

– И нечего смотреть такими глазищами. Что за мода! Парню тринадцатый год, ростом уже с меня, а чуть что и глаза намокают как у первоклассницы.

– Ничего у меня не намокает, – сумрачно сообщил Митя и толкнул в карманы кулаки с такой силой, что мятые заслуженные шорты съехали до низа живота. Он дернул их обратно и мимо отца стал пролезать в дверь, чтобы горестно уединиться в своей комнате.

Папа посторонился. Вообще-то он готов был уже «расколоться», но педагогика требовала единства родительской позиции.

– Ты должен понять, что денег в с а м о м д е л е кот наплакал. И еще не уплачено за телефон. Мы с мамой вкалываем, как завербованные ишаки... – Для пушей убедительности папа вспоминал иногда лексику стройотрядовских времен.

Митя оглянулся в коридоре.

– А я, что ли, не вкалывал? Я целый месяц горбатился на дяди-Сашином огороде, когда мы собирали в лесу цветочки и ягодки...

Это была правда. Или что-то близкое к правде.

С середины июля до середины августа семейство Зайцевых гостило у папиного друга детства Александра Сергеевича Кушкина (почти Пушкина!). Кушкины уже не первый год принимали друзей у себя, выделяли им комнату в своей просторной избе. Впрочем, Митя чаще обитал на пустом сеновале – вместе с Вовкой, сыном дяди Саши. Там они оборудовали себе каюту (хотя мама уверяла, что эти игры закончатся пожаром).

Были Вовка и Митя одноклассники и летние друзья-приятели. И случались у них всякие приключения (о которых Митя и собирался писать в «Корсарах Зеленых морей», а вовсе не о пиратах и кладях). Но, кроме того, Вовка, сельский житель, помогал родителям в их деревенской работе – не все же время играть в Тарзана да мячик гонять. А Митя помогал Вовке. В прошлом году – от случая к случаю, а этим летом – всерьез. Неловко стало бездельничать, когда товарищ в трудах. Вместе они гнули спины на огородных сотках, и не всегда это было радостно, зато совесть не кололась, как крошки в постели. Приключения же потом делались еще интереснее.

А три дня назад дядя Саша на своей расхлябанной «копейке» привез в город к Зайцевым мешок свежей картошки. Сообщил, что это Митин заработок. Раньше, в колхозе, это называлось «трудодни».

Папа сказал:

– Саня, ты что, спятил в своей сельской местности? Дитя трудилось бескорыстно.

Мама замахала руками:

– Александр Сергеевич, как вам не стыдно! Везите обратно!

Однако дядя Саша ответил, что это не их, мамы и папы, дело. Они закоснели в своих дореформенных взглядах. А Митьке надо расти в нынешнем рыночном мире, где основа отношений – справедливая оплата труда.

Мите и неловко было, и все же приятно: первый в жизни заработок. Но он, как и родители, недоумевал: где этот мешок держать? Ни подвала, ни сарая, ни гаража у Зайцевых не было. Картошку круглый год малыми порциями покупали в ближайшей овощной лавке, Митя возил ее в хозяйственной тележке. Каждый раз была морока забираться в лифт – квартира-то на пятом этаже.

Дядя Саша сказал, что нет проблем: пусть мешок стоит на балконе.

– А что будет, когда придут холода? – наивно воскликнула мама.

Дядя Саша сказал, что «до холодов вы эти запасы слопаете за милую душу».

«Лопать» еще не начинали, мешок так и стоял, полный под завязку. И должен был напоминать старшим Зайцевым, что сын их не бездельничал все лето напролет.

И мама вспомнила. Сказала Мите вслед:

– Конечно, ты «вкалывал». Но и получил за это целый мешок.

– Я, что ли, с мешком должен идти в магазин? «Продайте мне тетрадку за десять кило картошки»! Да?

– Ты можешь сначала реализовать свой товар, – подала голос из комнаты мама. – Поспрашивай соседей, не нужен ли кому-нибудь картофель. Или... я видела, как такие же мальчики на улицах и на рынке торгуют овощами со своих огородов.

– Это вполне в духе времени, – добавил папа.

Конечно, это было форменное издевательство. Конечно, они знали, что ничего «реализовывать» Митя не станет! Потому что он (по маминым словам) «храбрый только с родителями, а в нестандартной обстановке – тише овечки». Это была не вся правда, но опять же близко к правде. И уходя на работу, мама с папой и помыслить не могли, что о предпримет их ненаглядный отпрыск.

А он приступил к задуманному.

3

Разумеется, начиная это дело, Митя не верил, что доведет его до конца. Это были только «ростки робких намерений, весьма далеких от исполнения». И все же он пошел на балкон и развязал мешок.

Картошка была крупная. Клубни один к одному, но довольно грязные. В сухой земле. Надо было придать им товарный вид – так он подумал. С мешком было не управиться, дядя Саша говорил, что в нем четыре пуда. Раза в полтора больше, чем в самом Мите. Он стал накладывать картошку в красное пластмассовое ведро, таскать и высыпать в ванну. Потом выхлопал опустевший мешок с балкона – к неудовольствию соседки с четвертого этажа Серафимы Сергеевны. И пустил в ванну воду.

Каждый клубень он мыл в прохладных струях. Вытирал полотенцем для рук и отправлял обратно в мешок. Сперва казалось – работе не будет конца, но часа через полтора все было готово. Что стало с полотенцем – особый разговор. Зато клубни теперь выглядели, будто розово-желтые поросята.

Митя все тем же полотенцем вытер пол, вымыл (то есть постарался вымыть) ванну. Смыл с лица и ног серые подтеки, сменил футболку. Сел на перевернутое ведро в позе известной скульптуры «Мыслитель».

Что дальше-то? Как доставить товар на рынок? (Как продавать, он пока не думал, страшно было). На хозяйственной тележке больше пуда не увезешь. Это что же? Четыре раза туда и обратно топать через полгорода?

Хорошо бы раздобыть какой-то транспорт. И помощника. Да, именно помощника! Вдвоем все трудные вопросы решать легче. Но главный приятель, сосед и бывший одноклассник Шурик Таманцев, был еще на даче. Пойти к Вадиму Полянскому? Но много ли проку в таком деле от сверхвоспитанного скрипача и шахматиста? К тому же, никаких телег у Шурки и Вадика наверняка нет...

Митя отправился на двор. Он слегка кручинился, но и радовался в душе – никого не найдет, и совесть будет чиста. Я, мол, отступил от планов не по малодушию, а под давлением обстоятельств.

На дворе томились от зноя разлапистые клены. У дальнего подъезда подвывала противогонной гуделкой пустая «девятка». Никто не обращал внимания – такие системы включаются от любого чихания. Да и некому было обращать. В тени сидели на лавочке две бабушки, сонно качали перед собой коляски. Ходили голуби, не глядя на кудлатую кошку Марфу, которая делала вид, что охотится, а на самом деле валяла дурака. В ближнем открытом гараже слышны были мужские голоса и звякали стаканы. А ребят – нигде никого...

Хотя нет, один был!

В дальнем краю двора, у тополей, зацепившись ногами за перекладину качелей, мотался вниз головой пацаненок в пестро-синей, похожей на платице одежонке.

Надежды на этого мелкого акробата почти не было, но все же Митя пошел к нему. Для окончательной очистки совести.

– Елька, привет!

Он помнил, что пацана зовут Елька. Не знал только, имя это или прозвище. Елька был нездешний. Жил он где-то в соседнем квартале, в Тракторной усадьбе, а сюда заглядывал лишь временами – погонять футбол, прокатиться на чужом велике, поиграть в чехарду и вышибалу. Наверно, там, в Усадьбе, не было у него дружков-ровесников.

Относились к Ельке терпимо. Был он дурашливый, неунывающий и ловкий. Например, мог разогнаться на велосипеде, бросить руль, вскочить на седло и проехать так с десятков метров. Умел свистеть по-птичьи и жонглировать мячиками. Его никогда не обижали – даже те,

кто считал себя крутыми. Но и всерьез не принимали. Больно уж какой-то мельтешащий. Да и не с этого двора, к тому же...

Елька упал на руки, постоял так, почесал кроссовкой щиколотку. Прыжком встал на ноги. Показал в растянутой улыбке большие неровные зубы. Тоже сказал «привет». И стал смотреть на Митю с веселым вопросом. У него были длинные, чуть раскосые глаза, темные волосы-сосульки и очень вздернутый нос – будто его нажали вверх пальцем. Две черные дырки целились в Митю, как маленькая двухстволка.

– Елька, не знаешь, где достать ручную тележку? Ну, такую, чтобы тяжелый мешок перевезти.

Елька сказал сразу:

– Знаю, конечно. У нас в сарае.

Это была удача. Хотя и досада – теперь не отвертишься. Но досаду Митя решительно задавил в себе. Сказал деловито:

– Дашь напрокат?

– Дам, конечно. А для чего?

– Да так, дельце одно... Надо продать мешок картошки. Понимаешь, заработал в деревне, а хранить этот сельхозпродукт негде. И деньги нужны, к тому же... Хочу на рынок свезти.

Елька поскреб макушку.

– Зачем на рынок-то? Это вон куда пилить! И торговать не дадут, сразу прискребутся рэкетеры всякие. У них там все поделено, платить надо...

«Этого еще не хватало! Слышала бы мама...»

– А что делать-то?

– Торговать можно везде. Где-нибудь на улице... Я знаю одно место!

– Далеко?

– Ничуть не далеко! В двух шагах за Усадьбой. Там даже не улица, а просто дорога. Но по ней все время народ топает: кто на остановку Ключи, на автобус, кто в Первомайский супермаркет... У этой дороги в том году даже продуктовый киоск стоял, да потом его сожгли.

– Зачем?!

– Ну, конкуренция, – со знанием торговой специфики отозвался Елька. – Дело обыкновенное.

– А меня не это... не сожгут? – Митя сделал вид, что шутит. Но Елька понял правильно:

– Не-е! Не успеют! У тебя же всего один мешок! Мы его за один час!

– Слушай... а ты, значит, поможешь, да?

Он сказал с прежней готовностью:

– А чего ж! Конечно! – И деловито вытер пыльные ладони о полинялую, но чистую (видать, недавно выстиранную) рубашку, о лиловые и голубые квадраты с белыми и черными кораблями, штурвалами и даже осьминогами. Рывком заправил ее под резинку, в такие же штаны, и стукнул о землю потрепанными кроссовками.

– Пошли за колесами!

Тебе – половина и мне – половина

!

Трудно поверить, но за три года (с того дня, как переехали сюда, в двухкомнатный «кооператив») Митя ни разу не был в Тракторной усадьбе. Хотя она под боком! Просто не подворачивался случай. Школа, магазины, остановка трамвая были в другой стороне. По краю Усадьбы Митя проходил изредка, если шел в Первомайский магазин или в аптеку за мазью для папиной поясницы, а внутрь не совался. Не было желания. Казалось, что жители там с недобрыми нравами. Наверно, косо глядят на чужаков.

Но сейчас никто косо не глядел. Вообще не смотрели на Митю и Ельку. Несколько мужиков с татуированной мускулатурой за дощатым столом пили пиво и стучали доминошками. Две тетки натягивали между деревянными балконами веревку с мокрым бельем. Ходили по асфальтовым дорожкам сонные псы. Лениво посторонились, когда мимо прокатил на трехколесном велосипеде румяный дошкольник – совсем такой же, как малыши в Митином дворе. Он помахал Елке (и Мите заодно) синей пластмассовой саблей.

Усадьба состояла из десятка двухэтажных домов – бревенчатых или обитых почерневшим тёсом – с решетчатыми балконами и верандами. Построили их для рабочих Тракторного завода в давние времена, которые у взрослых назывались «довоенные». Удивительно, что такая старина сохранилась рядом с центром. Вон, торчит над крышами белый двадцатиэтажный дом областного правительства (конечно же – «Белый дом»), а здесь – деревенская тишь. Густая зелень рябин, сирени и высоченных тополей. И даже дубы есть, хотя в здешних местах они редкость.

А травы – выше головы! Особенно много той, у которой пунцовые и розовые цветы, похожие на маленькие орхидеи. Митя и раньше видел такую на обочинах, но отдельными кустами, а здесь – целые рощи! Не поймешь даже – сорняк это или развели нарочно...

Елька привел Митю к длинному сараю, сбегал за ключом, выкатил сквозь широкие двери сооружение на больших, как у деревенской телеги, колесах. Фанерный короб с короткими оглоблями.

– Во! Ее для сбора бутылок соорудили...

Митя постеснялся спросить, кто именно собирал бутылки. Какое его дело! Несмотря на громоздкий вид, телега оказалась легкой на ходу. Они бегом докатили ее до Митиногo подъезда. Елька прихватил с собой еще маленькое жестяное ведро.

– Вдруг кто-нибудь захочет мелкую порцию!

Митя лишь дивился Елькиной практичности.

С полчаса провозились с погрузкой. Сперва доставляли картошку вниз ведрами, а оставшуюся треть (с натугой!) приволокли прямо в мешке. Ящик оказался почти полным.

Впряглись, потянули. Ого! Это вам не пустую телегу катить! Но поднажали, и она поехала.

Опять пересекли Усадьбу. Выбрались на асфальтовый тротуар, что вел вдоль заброшенных домов – с узорчатыми разбитыми крылечками и прочими остатками старинной красоты. И снова Митя подумал: «Странно как! Я и не знал, что рядом такая глушь. Вот домашнее дитя...»

Перешли улицу Полярников с трамвайной линией, затем пыльный сад на задах торговых складов и выкатили свой груз на асфальтовую полосу между старых тополей и кленов. Тротуар – не тротуар, дорога – не дорога. Видимо, т а с а м а я. Народу здесь и правда было много. Особенно пожилых тетюшек с сумками. Бодро шагали туда-сюда. Неподалеку вскрикивали электрички, и виден был меж деревьев решетчатый мост над рельсами.

Елька умело выбрал полянку под кленами, у самого асфальта.

– Приехали. Давай...

Митя хлопал ресницами. Что давать-то?

Елька прыгнул на колесо, накидал в красное ведро клубни – до верху. Чуть не упал от тяжести, когда протянул сверху Мите. Тот подхватил торопливо и виновато. Елька наполнил и жестяное ведро. Прыгнул на траву.

Оба ведра они поставили на обочине. Сами встали рядом. Елька – беззаботный и независимый, Митя... ох, провалиться бы куда-нибудь...

Но не провалился. Почти сразу подошел широкий парень в темных очках, с оранжевым рюкзаком за плечами и с тросточкой. Стукнул тросточкой по большому ведру.

– Почем фрукты-овощи?

Митя заморгал, глянул на Ельку. О цене-то не подумали! Елька, видать, тоже растерялся. Первый раз за сегодня.

– Сейчас, – заторопился Митя. – Минутку... – В мозгах будто защелкал калькулятор. Старую картошку Митя в июле покупал в овощном магазине по шесть рублей за кило. Свежая, конечно, дороже. Насколько? На рубль? И сколько килограммов в ведре? Десять? Значит, ведро – семьдесят рублей?

Парень, однако, не стал ждать.

– Коммерсанты! Прежде чем соваться в торговлю, определитесь в условиях рынка, салаги. – И пошел, вихляя своей альпинистской поклажей.

– Я думал, ты знаешь, почем продавать, – виновато сказал Елька. А в чем он был виноват-то?

Митя хлопнул себя по глупому лбу и быстро поделился расчетами.

– Тебе как надо продать? – снова обрел деловитость Елька. – Подороже или побыстрее?

– Побыстрее!

«Ох, побыстрее...»

– Тогда большое ведро по шестьдесят, маленькое – по тридцать. А можно еще и половинками, если кто захочет...

«А можно и совсем мелкими кучками», – хотел предложить Митя. Но не успел. Елька исчез.

То есть он сиганул куда-то! Вверх! Митя обалдело вскинул голову. Елька висел на клене вниз башкой, как летучая мышь. Его побитые ноги цеплялись за толстенный сук, рубашка съехала на грудь, ниже уха болтался на суровой нитке алюминиевый крестик. И в таком вот положении Елька жизнерадостно, будто клоун при выходе на арену, завопил:

– Дамы и господа! Спешите скорее сюда! Вы когда-нибудь ели сладкие бататы из индейской долины страны Нукаригва?! Конечно, не ели! И не надо! То, что вы купите у нас, в тысячу раз питательнее и вкуснее! Сплошные витамины! А цена! Это никакая даже не цена, а только половинка цены!..

Митя обомлел, увидев, как их «торговую точку» обступает народ. Дядьки-пенсионеры, женщины с сумками, несколько парней и девиц студенческого вида (им-то что, лишь бы поглазеть!). Полная тетя в цветастой косынке деловито спросила:

– Почем ведро?

Елька опередил Митю, сообщил с дерева:

– Всего шестьдесят! Смешная цена!

Тетя осуждающе покачала головой (видимо, для порядка), но торговаться не стала. Разверзла пасть большущей сумки на колесах.

– Сыпь.

Митя с натугой поднял, вывалил картошку. Суетливо поднял упавшие мимо сумки клубни. Не считая, скомкал и сунул в карман на шортах деньги. Уши были горячими. А Елька опять бесстрашно заголосил:

– Дорогие покупатели! Не нужны вам заморские страны! Не нужны ананасы и бананы! Наша картошка заменяет все фрукты и овощи! Покупайте и радуйтесь! Всего за полцены! Лишние деньги нам не нужны!..

Молодой женщине, за которую цеплялся толстый карапуз, понадобилась порция из маленького ведра. Митя высыпал ее в корзину. Малыш вцепился в край корзины.

– Дай...

– Нельзя, Андрюшенька.

– Ы-ы-ы!..

Елька упал с клена. Скакнул на телегу, выхватил из ящика фигурный розовый клубень, прыгнул к Андрюшеньке.

– На! Сладкий, как груша «аквапуа»!

Андрюшенькина мама засмеялась. Те, кто стоял рядом, тоже. Сразу две женщины с сумками-тележками потребовали по большому ведру. Елька, балансируя на колесе, ловко наполнял посуду. Протягивал Мите...

Потом наступил перерыв. Оказалось, что на дороге никого. Елька присел на корточки и, задрав нос-двухстволку, смотрел на Митю – весело и вопросительно: «Ну, как?»

Мите было неловко, будто он сам только что болтался вниз головой перед зрителями и декламировал. Но... прежнего страха уже не было. Стало даже интересно.

– Нормально, Елька. Только... ты бы не кувыркался все-таки, как в цирке...

– А почему? Это же реклама. Да ты не стесняйся, люди-то на меня смотрят, а не на тебя! – Он будто видел Митю насквозь.

– Елька, много там еще в коробке?

– Половина!

– Ох... – Мите казалось, что он торчит здесь давным давно. Хотя прошло, конечно минут пятнадцать.

Кто-то тихонько тронул Митин локоть:

– Сынок...

Рядом стояла сморщенная бабка (и откуда взялась?). Ростом ниже Мити, впалый рот, блеклые глаза, пыльный зимний платок. Из-под мягкого подола (то ли платья, то ли халата) высовывались ноги в сморщенных чулках и мужских полуботинках. Бабка опять шевельнула губами:

– Сынок... дай две картошечки. Денежек-то нету совсем... – И протянула мятый бидончик без крышки. – Вот сюда. Христа ради...

– Да... конечно... – Митя засуетился, выбирая картофелины покрупнее. – Вот... – Клубни стукнули об алюминиевое дно.

– Храни тебя Господь... – и бабка двинулась по краю асфальта, неспешно переставляя полуботинки. Митя встретился с Елькой глазами. В них, в Елькиных глазах, не было теперь клоунского азарта. Был... вопрос какой-то. Митя опять огрел себя по лбу.

– Елька! Надо ей насыпать полный бидон!

– Ага! Давай, я... – Он схватил ведро, побежал, выгибаясь от тяжести, догнал бабку. Начал совать в бидон картофелины. Кажется, говорил что-то. А она стояла обмякшая. Почти что испуганная...

Елька побежал обратно, а бабка мелко крестила его вслед. У Мити нехорошо зацарапало в горле. Будто он виноват был и перед этой старушкой, и перед всем белым светом.

– ...Вы так ни хрена прибыли не поймете, джентльмены, – раздался рядом юный басок. – Благотворительность и бизнес две вещи несовместные, как говорил классик.

Это подкатил на велосипеде парень лет восемнадцати – в обрезанных джинсах, в майке с портретом какой-то рок-звезды, в сдвинутых на лоб очках-зеркалках.

– Научить вас торговать?

– Обойдемся, – буркнул Митя. Не очень, правда, решительно.

– Невоспитанный ребенок... Ладно, вали ведро в кузов, беру не торгуясь.

К багажнику была приторочена пластмассовая корзина (вроде тех, что в магазинах самообслуживания). Митя ухватился было за ведро. Но умный Елька сказал:

– Сперва деньги...

– Ты что, юноша! А где доверие фирмы к покупателю? Я такого отношения не приемлю!

– Тогда жми отсюда, – бесстрашно посоветовал Елька.

– Тю-у, какой невежа! Я вот обтрясу с тебя морскую атрибутику! – Парень перекинул ногу через раму. У Мити вмиг осело в низ живота все нутро. А парень опустил очки, как забрало. – У вас патент на торговлю есть?

– Вон люди идут, – сказал Елька. – Сейчас крикну, будет тебе патент и счастливый момент. С печатью на заднице.

И правда, от моста двигались прохожие, человек десять. В том числе два военных. И парень укатил с резвостью велогонщика.

«Уф... Что я делал бы без Ельки?»

А Елька схватил три картофелины, бросил над головой и... зажонглировал, как цирковой артист.

– Господа, подождите минутку! Гляньте, что за картошка! Лучше картошки, чем эта, больше нигде даже нету!

И опять их обступили. Кто-то смеялся. Седоусый дядька спросил цену и раскрыл большой, старинного вида саквояж.

– Сыпьте, артисты. Глядеть на вас – полный спектакль.

А Елька не унимался. Он щедро кинул в саквояж свои три клубня (сверх того, что вывалил Митя) и встал на руки. И пошел так вокруг телеги.

– Уважаемые покупатели, торопитесь! Товар кончается, магазин закрывается!

У Мити купили сразу две порции – из большого и маленького ведра. И опять покупателей не стало. А на другой стороне дороги Митя увидел странную девицу. Девочку... Кажется, свою ровесницу.

2

Да, она была не старше Мити и в то же время какая-то крупная. Не то чтобы толстая или грузная, но... широкая такая, с большой головой, усыпанной темными кудряшками, толстогубая. С серьгами-полумесяцами. Ну, прямо африканское создание. На ней были тесные истертые джинсы и просторная кофта – настолько разноцветная, что куда там Елькиному костюму!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.